

Талым

Жайлыбай

ПЕСНЯ СУЛУБАЯ

Поэма

Пространство – мера всех вещей, время – мера всех событий. Когда смыкаются горизонты пространства и времени, начинается национальная история. И это не просто красивый афоризм.

Нурсултан Назарбаев

Листва облетела с верхушек засохших берёз.
 Джигиту печаль не даёт ничего, кроме слёз.
 Он пищу вкушал,
 Пил он воду в различных краях.
 Не знаю, в каком из краёв призовёт его душу Аллах.
 Скакун вороной – Карагер, горделив твой полёт.
 К родным очагам возвратится ль мой бедный народ...

Сулубай Сапыулы

...Быть может, аульчане возвратятся,
 Быть может, все родные возвратятся,
 Накормят честно добытой едой –
 Всё может быть!
 Но горы за тобой,
 Но степь Жайыра не переместятся...

Жаркен Бодеш

1. КЛЮЧ

Как поживает улар на горе Улытау?
 Беркут здоров ли на гордых отрогах Алтая?
 Как вы, уланы¹, наследники вечной Степи,
 Как поживаете, в нашу эпоху вращая?

¹ Улан – джигит.

Вновь отшумевшее время привиделось мне...
 В миг, когда души людские взметнулись к Луне,
 Выгод своих уж не ищет разумный мужчина.
 Где ж вороной жеребец, где степная долина,
 Те, о которых слагал свою песнь Сулубай?

Многое видела Степь – необъятный мой край,
 Многое мы пережили в тисках лихолетья...
 Ты – совершенство, опора моя на столетья,
 Край мой родимый, великой Степи сторона.
 Нет у меня ничего – только эта страна,
 С песней веков, что подхвачена снова уланом...
 Дума одна и молитва на свете одна:
 Пусть небеса будут мирными над Казахстаном!

2. ТЕМИРКАЗЫК²

Шумит Иртыш, листает свои волны
 Страницами трагических времён.
 Тот берег Иртыша и этот – полны
 Событий скорбных...
 Вот и пробил он,
 Тот час – поговорить начистоту.
 Да, мой родной, полна страданьем чаша –
 Жизнь такова...
 Печальна участь наша...
 Прости, прощай!
 Нырря в суету,
 И глазом не моргнёшь – погаснет свет.
 Внимаешь ли словам моим, иль нет –
 Мне всё равно...
 Взгляну на берег *этой*,
 На берег *той* седого Иртыша –
 Плач материнский слышу я с рассветом,
 И болью наполняется душа.

Все те, кто судьбы шили и вершили,
 Кто гарцевал верхом на скакуне,
 Покрылись пылью вековой...
 Те были,
 Те думы, брат, терзают душу мне!

Красавица Или.
 Тарбагатай.
 Мой горделивый золотой Алтай...

² Темирказык – Полярная звезда.

...При каждой откочёвке так ведётся:
Один из верблюжат судьбе сдаётся –
Лишается он матери своей...
Скажи мне, брат, зачем несчастный ей,
Судьбе жестокой?
Снова путь проложен
Кочевьем с Каратау. За спиной
Осталось всё, исчезло с глаз долой,
Что было драгоценностей дороже.

Стремительная речка на пути –
Ты перешёл ли вброд её, беглянку?
Единственных, что больше не найти,
Оставил ли ты в шалаше-временке?

В горах Алтая тучи собрались...
Как будто крылья мне подрезал кто-то,
Я не успел взлететь.
Ничтожна жизнь.
И если спрячусь, выстелюсь осотом,
Врага не встречу грудью – разорвусь,
На части, на кусочки разделюсь,
Как тряпка похоронная – жыртыс³!
Сползают тучи по обрыву вниз...
Народ ушёл за горы-перевалы,
А там – судьба нелёгкая ждала...
Когда же снимут путы с ног усталых?
И коль надежду потеряв, дотла
Сгорит Или, в пустыню убегая, –
Величественный лик Тарбагатая
Подёрнется слезою...
Эй, Алтай!
Дай беркуту терпения над кручей,
Ведь если вдруг вершин твоих могучих
Печаль коснётся, горечь через край –
То заблестят глаза мои слезами,
Как гладь воды, как озеро Канас –
Меня накроет тучей-облаками
Казахов скорбь, что ранит и сейчас.

Печаль земная, тяжка твоя ноша...
Коль не уймётся выюга за окном,
То каждый день, когда метёт пороша,
Покажется суровым февралём.

³ Жыртыс – от слова *жырту* – разрывать; кусок разорванного материала, который раздают во время похорон.

Народ мой благородный, те страданья
 Достались твоим лучшим сыновьям.
 И слышатся мне стоны и рыданья –
 Они летят, как волны, к берегам...

Но среди народа именем и статью
 Возвысился, возвысив и алаш⁴,
 От предков награждённый благодатью –
 Умом врождённым – повелитель наш!

...Привиделось во сне: он из могилы
 Вдруг выпрыгнул, как лев, батыр Оспан,
 Исполненный величия и силы,
 Защитник слабых, исцелитель ран!

Он – охранитель гордого Керяя,
 Он – сабля, и подобен он огню!
 Опять молитвой Аруаха⁵ грея,
 Готов вцепиться в гриву он скорее
 Горячему и белому коню!

Не просто рисковать – в платочек душу
 Вдруг узелком однажды завязать,
 И броситься в поток,
 покинув сушу, –
 И переплыть!
 И свой народ собрать,
 Раскиданный ужасным ураганом, –
 И он пойдёт за доблестным Оспаном!

**Средь Степи, на высоком холме,
 Он был поднят на белой кошме,
 Вознесён был над юртами ханом!**

Как вы живёте ныне, берега
 Бурливого Булгына?
 Снова рано,
 Подёрнутое дымкою тумана,
 Садится солнце.
 И летит байга
 Ночных теней за памятью вдогонку.
 Кто стоны мои выслушать готов,
 Какая святость?
 Отчую сторонку
 Кто защитит по зову моих слов?

⁴ Алаш – народ.

⁵ Аруах – дух умершего предка.

Кто по следам Оспана, за батыром,
Восставшим из могилы вековой,
Пойдёт, и, криком исходя над миром,
О равенстве попросит мир земной?

* * *

...Мне снова давние припомнились печали...
Я тоже серая и горькая полынь,
Твоя трава, собой заполнившая дали,
Степь Боздала⁶ – ветров кочующая стынь.

В недавний год я до степи добрался бедной.
Каракопир⁷ – мой Чёрный мост, мой чёрный год.
И помню, как я заревел над чёрной бездной –
Вот так верблюдица безумная ревет:

«Река Кыран, рыдают волны твои глухо.
О чём горюешь? – Сокровенным поделись!
Теперь я знаю: не сломает меня жизнь,
Покуда крепок дух во мне.
Живу я Рухом!⁸»

Каракопир! Не сыщешь местности черней,
Хоть обойди, пройди кочевником полмира.
Была здесь вывешена голова батыра –
И я пришёл к тебе за головой моей!...»

Вот так беседовал тайком я с Аруахом,
Излил я душу. И потомкам пожелал
Тысячелетий!
Край печальный покидал
С благой молитвой, обращённою к Аллаху.

О, если б эти, что от сердца шли, слова
Создатель наш, среди других молитв, услышал!
Ложится под ноги мне серая трава,
А небеса всё недоступнее, всё выше...

Да, я простился с сокровенным, дорогим.
Как перед родами верблюдица степная
Кричит и мечется по пустошам сухим,
Ища укромный уголок среди курая,
Так наше время пронеслось по кураям.
Мой век-верблюдица, с тобой простился я!

⁶ Боздала – досл. Серая степь.

⁷ Каракопир – досл. Чёрный мост.

⁸ Рух – дух.

Каракопир – над речкой скорбною Кыран,
 Кылан,
 Боке,
 Где голова твоя висела,
 Батыр Зуха...
 Не заживает горечь ран,
 И кости ломит, и горит больное тело...

Когда я слышу всех казненных голоса,
 То глухнет песня – без припева, без ответа.
 Народ мой бедный, ты подобен был лесам.
 Где тьма деревьев, и куда всё делось это?

То я удачлив, на коне, то – без коня.
 Простому смертному другой не вышло доли.
 Так много плакал, что отныне у меня
 Слез не осталось – лишь следы горючей соли...

Но продолжается, цветёт над степью жизнь:
 Цветут луга, в цветенье склоны гор зелёных.
 И говорят стихами головы казненных,
 Заветам вторя, что слагал Акыт-кажи.

«Во-первых: о, дорогой, отзывчивый сердцем народ мой казахский, не подавайся раздорам, а будь единокорным, сплочённым, мирным народом. Не делись на роды, жузы, места рождения! Дробление по родам приведёт к гибели, недуг местничества – червь, пожирающий здоровую плоть, а у тех, кто делится на жузы – душа темнеет, тоска её съедает... С соседними народами живи в мире и согласии. И земли, и скота, и других благ хватит всем казахам. А вот чего может не хватить, так это благоденствия и спокойствия – об этом пекусь. Там, где нет единства – нет жизни. Остерегайтесь раздоров!

Во-вторых: желание соседа – воля Создателя. Мирным соседством своим отдавайте плату Создателю. Не давайте повода для обид. Если сосед рассердится, то Создатель опечалится. “Не допускайте, чтобы враг был под боком, чтобы с соседним народом ссоры и тяжбы были”, – этого наставления придерживайтесь, мудрость в себе сохраняя. Не пользуйтесь чужим трудом. Не очерняйте чужой честный труд. Любой вправе себя в деле показать; пока пот сохнет – труд оплатите.

В-третьих: кто не знает корней – ничего не знает. Когда совсем невоготу станет, когда наступят трудные времена, когда ужасная весть настигнет, не паникуйте, не забывайтесь, пропустите всё это через сито разума, поразмыслите. Взвесьте всё, убедитесь в чистоте помыслов. Только потом сделайте правильный вывод, примите справедливое, честное решение. Умейте различать то, о чём будете жалеть, и то, что принесёт благо. Не попадите в неловкое положение, приступая к делу спустя рукава, помните: “Терпение и сдержанность – золото”.

Пусть эти слова будут мерилом для вас. Если станете придерживаться таких правил – достигнете своей цели.

В-четвёртых: в здоровом теле – здоровый дух. Здоровье – главное богатство. Народ мой, внуки-правнуки, наследники мои родные, ратуйте за чистоту рода. Не создавайте семьи, не перешагнув предела семи колен. Избегайте распутства, прелюбодеяния, будьте чисты и далеки от греховного бытия. Не разрушайте святость брака. Это тоже тяжкий грех. Бойтесь адского огня Судного дня! Будьте праведниками, деликатными и совестливыми. Проживите эту жизнь, короткую, как рукоять камчи, оставаясь настоящими людьми.

Путь, приводящий детей к счастью, – это привитые им с детства такие качества, как честность, человечность, стремление к культуре, искусству, науке... Знайте все семь поколений своих предков. Не допускайте, чтобы о вас говорили: “Да это же тот, кто не знает род свой до седьмого колена, невежда безродный, без царя в голове!” Безродность – признак духовного сиротства. От народа, забывшего свои корни, родится поколение сирот. Такое поколение не знает ни доброты, ни милости, ни жалости, ни прощения, ни человечности. Отпрыски такого поколения не признают родственников...

Народ мой, вскормлённый скотом, не забывай и дальше питаться от земли. Живя в местности, где есть река, ты не будешь голодать, не узнаешь нужды. Сохраняйте традиции предков. Не тратьте время впустую, лёжа на боку. Оправдайте и оплатите достойной жизнью молоко матери!..

Это мой завет моим последователям...»

* * *

Алтая горы высоки, и зелена
Даль от лесов.
Не думай, брат, что над степями
Встаёт Великая Китайская стена –
То голоса батыров высятся над нами!
Три белых черепа полдневный сушит зной,
Но сказ Акыта, его мудрые заветы,
Они сияют над былинной страной –
Его напутствия батырами воспеты!

Душой белея, как упавший мягкий снег,
Я много видел. Я прожил нелёгкий век.
Вот перья филина – я ими украшаю
Мои стихи!
Священный, древний оберег,
Храни же братьев – им я строки посвящаю!
Они соскучились по отклику живых,
Так пусть стихи мои уменьшат скорби их,
Пусть изречений мудрых смысл возродится,
Народным Словом, что священно, он хранится,
И поколениям скажет правду он один:
Кто покровитель наш святой, кто властелин!

* * *

«...Мир – текущая река, бурный ураган.
 Слушают мои стихи братья и родня.
 Моя родина – Алтай, лучшая из стран! –
 Если спросишь, где живу, спросишь ты меня.

Сауыр-Алтай – дозор вековой степи,
 Дальше – виден Арканат...
 По ночам без сна
 Мышь летучая скользит. Свет её слепит,
 Потому с началом дня прячется она.

Величав Тарбагатай – встал он, как батыр,
 Горку маленькую он прячет на груди.
 Там, где озеро, туда влился Улингир,
 Люд осел по берегам, хоть куда пойд.

Горный кряж невядалеке – это Сауыр,
 Перевал Нарынкара,
 Рядом – Салбырты.
 Где овраг с речной водой, где цветущий мир,
 Там мой дом – аул Мори, видный с высоты.

Где напарника найду для айтыса я,
 Чтобы равен был во всём? – Равных что-то нет!
 Если с голосом рождён, если ты поэт,
 С полуслова заводись, душу не тая.

Средь базаров есть ли где всех щедрей базар,
 Чем в Кульдже? Езжай туда прямо по весне:
 Всё, что надо, там найдёшь – есть любой товар!
 Коль на торе старики дали слово мне,
 То к чему же мне жалеть моих песен дар?..»

* * *

... Встаёт за мною благородный мой народ,
 И если весточку веков не передам я –
 То опоздаю...
 Стану песней, и вперёд
 Я полечу, помчусь, в строку собрав преданья,
 Я понесу стихов священных назиданья,
 Я стану ими, моё сердце запоёт!

Как драгоценны в мире мысли мудрецов,
 И нас питают мысли мудрые Акыта.
 Устало сердце, но душа моя открыта,
 Она нежна, она полна поющих слов.

Пусть струны лет не оборвутся никогда!
 Мой брат, живи! Не знает мудрость предков тленья,
 И для меня слова их, мысли, наставленья,
 Как путеводная Полярная звезда!

3. ПЕСНЯ СУЛУБАЯ

...Душа моя снова придавлена, удручена.
 Оборванной песней качается в лодке она.
 Камча шестихвостая, звонкая есть у меня,
 Свинец на концах, и разит он сильнее огня.
 Из таволги крепкой, точёной его рукоять.
 И разве нельзя пред народом мне с плётью предстать?

Судьба, словно плётка, закручена жёстким жгутом.
 Сухой карагайник темнеет на поле пустом.
 Герои клянутся, к груди прижимая ладонь,
 И сабли наточат, и вспыхнет на саблях огонь.
 Кобыл нежеребых к бельдеу⁹ привяжет народ.
 Котлом перевёрнутым рухнет на степь небосвод.

*«... Скакун вороной – Карагер, горделив твой полёт.
 К родным очагам возвратится ль мой бедный народ...»*

Когда свой очаг молодая невеста зажжет?
 Когда же джигит в свою юрту жену приведёт?
 От дум этих сердце в груди моей ноет-болит,
 Душа холодеет, её и без стужи знобит.

*«Ручей, окружённый садами, в листве молодой,
 Когда ж мы увидим? Когда же вернёмся домой?..»*

Чиста моя песня, как лучшая мысль мудреца,
 Как тайн сокровенность, как детская нежность лица,
 Что вам приоткрыл молчаливый, степенный старик;
 Чиста моя песня, как горы пробивший родник;
 Как девичьи косы в двенадцать сплетений тугих,
 Чиста моя песня, разливы мелодий моих;
 Как твердь постамента для верного скакуна,
 Как воды Шингил, чиста и прозрачна она.

*«Как воды Шингиля – чистойшая неба струя,
 Так песнь Сулубая – чиста эта песня моя!»*

* * *

Стихов караван из душевной идёт глубины,
 Как тень лебедей, они зыбки, летя с вышины.

⁹ Бельдеу – аркан, опоясывающий юрту поверх войлока.

По мгlistым горам опускается дымкой тоска.
 Поёт Сулубай – его звонкая любит строка!
 Поёт Сулубай – он обитель небесной души,
 Он песен любимец, и песни его хороши!
 Они – это чистый, всегда первозданный родник,
 Мечта для джигита – в глубинах времён он возник,
 В глубинах времён отстоялся чистейший исток.
 И песен громада пронзает тебя, словно ток.
 Как крик жеребёнка, что был заарканен петлёй,
 Звучат его песни над нашей былинной землёй.

Уносится в небо, звенит его голос опять,
 По-детски он чист, до костей может песня пронять.
 И вспомнятся снова казахов и горечь, и боль,
 И стоны беды, и рыданий горючая соль.
 Что ждать ноября, леденящей, суровой поры?
 Готов караван, ожидает у чёрной горы,
 Но в страхе народ: и шумит, и гуртится опять –
 Над траурной юртой уместно ли стяг поднимать?

У песен акына соколий, широкий размах.
 Поёт Сулубай – и душа его плачет в стихах:
*«Скакун вороной – Карагер, горделив твой полёт.
 К родным очагам возвратится ль мой бедный народ...»*

Как дорого стоит великая правда земли.
 Сквозь горные камни корнями стихи проросли.
 Водой родника через камни пробился поэт.
 Душа встрепенулась – во тьме она ищет свой свет.
 Запел Сулубай, свою горькую песню запел,
 И голос его соколиный с небес прогремел:

*«...Листва облетела с верхушек засохших берёз.
 Джигиту печаль ничего не даёт, кроме слёз.
 Он пищу вкушал,
 Пил он воду в различных краях.
 Не знаю, в каком из краёв призовет его душу Аллах.
 Скакун вороной – Карагер, горделив твой полёт.
 К родным очагам возвратится ль мой бедный народ...»*

* * *

Песчаная буря опять разыгралась в пути.
 Беснуется ветер времён – никуда не дойти.
 И даже в июле сайгак не замедлит свой бег
 У старой берёзы – сухой, одинокой навек,
 И даже в июле сайгак не приляжет вздремнуть
 Под старой берёзой увядшей – берёт его жуть.

Табун лошадей от неё убегает – черна.
И даже батыра бесстрашного яростный конь
Кричит и несётся, и страх горячит скакуна.
С листвою облетевшей берёза...
Как будто огонь
Ей сердце спалил, опалил её душу до дна.
Вдова горемычная, больше не будет она
Защитой от зноя, прохладой полдневного сна...

С тех давних времён, что забыть его песнь не велит,
О милой тоскою, душа беспокойством томит.
Покрытая мглой, словно башня, темнеет гора.
Кобылам бедняцким воды бы напиться пора.
Ещё жеребят не носили в утробе они,
Но сохнет берёза, но сушью сжигаются дни...

Судьба посылает тернистый, извилистый путь.
От белой зари зажигаясь, хотел я вернуть
Надежду и радость...
Не сыщешь ни тень, ни покой
Под деревом сухим, с облетевшею чёрной листвою...

*«Скакун вороной – Карагер, горделив твой полёт.
К родным очагам возвратится ль мой бедный народ...»*

Сайкан-Веселуха,
Гора Сауыр,
Сайрамкол.
В руках твоих, прадед, упругая сабля была.
Зачем же, мой Бог, на пути ты преграду возвёл –
Берёзу сухую, с листвою, сгоревшей дотла?

Отныне мой мир –
Опрокинутый чёрный казан.
Меж белым и чёрным, меж ночью и днём –
Жизнь и смерть.
Зачем на пути повстречал её мой караван,
Берёзу без листьев, пронзившую скорбную твердь?

Но пусть этот кюй всё же выведет к свету из тьмы:
Кобыз смастерил я из этой берёзы сухой.
Пусть песня летит,
Словно море, волнуя холмы,
Вершин высота пусть не падает в песне степной!

*«Скакун вороной – Карагер, горделив твой полёт.
К родным очагам возвратится ль мой бедный народ...»*

4. НЕЗАБВЕННЫЕ ДВЕ ЛЕГЕНДЫ

I

Как мир переменчив.
 И разве же в нём человек
 Мечту, словно крылья, взрастит, начиная разбег?
 Легенды времён возродили уста стариков,
 А память моя сохранила сказанья веков.

Везенья и горя отпущено было с лихвой.
 За облаком вслед суетливый торопится день.
 О, предки мои! Мои бедные...
 Конь вороной –
 Летит Карагер, а за ним – горделивая тень,
 И чёрный верблюд, запрокинувши голову, мчит:
 Он жив до сих пор – так казахский народ говорит.
 Как остов земли, как дремучих лесов коновязь,
 Как мята степная – с родимой отчизною связь.

*«Верблюд молодой разгрызает зубами кусты,
 И копыта пырея от влаги озёрной чисты...»*

По склонам Алтая – разносятся эхом слова,
 По гулким отрогам – преданий звенит тетива.
 И древних сказаний в горах не состарился след...

Когда Золотая орда стала падать от бед,
 Как древо прогнившее – ветром подхвачен был прах;
 Когда умер хан Береке – был подавлен казах,
 В пыли караванной он шёл – не забыть этих лет:
 Потомки твои, Майки би, в караванной пыли...

Доносит сказанье:
 Когда появились вдали
 Отроги Алтая в сиянье лучей золотых,
 Асана-Кайгы удивило видение их.
 На свет несказанный пошёл, не дождавшись, когда
 Народ целиком доберётся, вернётся сюда,
 Коня Карагера не стал дожидаться поэт,
 Коня, что летит горделиво на утренний свет.

...Берёзу без листьев я вырву, склоню её вниз,
 В огне прокалю,
 Смастерю голосистый кобыз!

*«Как воды Шингиля – чистейшего неба струя,
 Так песнь Сулубая чиста – эта песня моя!»*

* * *

Как жить мне на свете?
Лишился сестрѐнки моей –
И льды раздробились в зелёной пучине морей.
Кобыз, что рождѐн от берѐзы безлистой, сухой,
Скорбит, и рыдает, и мечется каждой струной.
Асана-Кайгы кюй печальный – «Лишѐнный народ»...¹⁰
То ль беркут летит,
То ли ворон окончил полѐт.

Печальник Асан говорит о печальной судьбе.
И плачет кобыз.
И печалится Сарысумбе.
В тоске Буыршин,
И задумался Бурылтогай.
Все беды твои я беру на себя, мой Алтай!

* * *

...Мне снилось, как я можжевельник срезаю в горах.
Тяжѐл можжевельник. Устал. Не стою на ногах.
«Ел айырылган» – кюй Асана, мой дух укрепи!
И грежу я вновь о единстве великой Степи.

Вершины Алтая подѐрнуты дымкой ночной.
На гордом челе, как свеча, полыхает звезда.
В объятиях гор обитает улар молодой.
Пробился родник – блещет в каменном русле вода.
На шее ключа – талисман Карагера-коня...

Пусть мир этот бурей обрушится вновь на меня,
Пусть вихрем завьѐтся!
Но в Книге священной навек
Легенда осталась – не стѐрли ни ветер, ни снег:

...Места эти, словно с небес опустившийся рай,
Пронизанный музыкой, песней особою, край.
Душевные раны легко исцеляются тут.
Полгода снега по предгорьям холмистым метут,
Полгода – здесь лето, в цветенье зелёном степей.
«Пусть будет Алтай золотой колыбелью людей!» –
Былинный сказитель-абыз так когда-то сказал...

Одна есть примета: кто небо рукою достал,
Взойдя на вершину, мечтать о которой не мог,
И Птицу увидел – ступил на волшебный порог!

¹⁰ «Лишѐнный народ» («Ел айырылган») – инструментальная пьеса Асана-Кайгы, которого называли Асаном Печальником.

Огромною Птицей взлетела Алтай гора:
Её оперенье из чёрного серебра,
Вот клюв бриллиантовый,
Ноги из струн золотых,
Вот синие крылья – качается Птица на них,
Кто видел её – будет счастлив на все времена.
Алтай – это Птица, как сон, прилетает она.
Такую легенду я слышал давно.
Говорят:
Кто сон такой видел, кто видел, как горы летят,
Тот станет любимцем Всевышнего на земле...

Огромная Птица, как призрак, витает во мгле.
Туманом она проплывает среди каменных скал.
Ветра нагоняет на снежный сухой перевал.
И речка бурлит,
И бушуют волна за волной,
И росчерки молний сверкают среди бездны ночной.
И гром прогремел, как благая небесная весть,
Что счастье с везеньем на свете безрадостном есть!
Они приближаются, век золотой настанёт!
...Давно среди народа такая легенда живёт...

* * *

Создателя голос – поэт. Он сказанья хранит,
И слушают степи, и слушает горный гранит.
Поёт он о счастье, о веке поёт золотом:
Тучнеет табун, что за северным пасса хребтом.
Летят самоцветы с сокольных раскинутых крыл,
И золото искрами резвый скакун распылит,
Копыта его высекают огонь золотой...
Кто это увидел – тот встретился с давней мечтой!

Священная Птица мелькнула – и скрылась из глаз.
Она прилетает на землю всего только раз,
О том говорят, о том ведают горный поток,
Бескрайняя степь, эти камни и этот песок.

А Птица Алтай являет сиянье чудес:
Покой благоденствия к людям нисходит с небес.
Живут они в мире, без горестных, тёмных страстей
И песнею жизни своих поднимают детей.

Родные мои, очарован я сном золотым,
Который увидел, идя с караваном простым,
И вам поспешил рассказать о счастливой поре.
На этом закончу легенду о Птице-Горе...

II

Когда каждый день бытия закрывает Судьба
На чёрный замок – то народ, то людская гурьба
Пристать не успеет к кочёвке, не выкинет цвет;
Когда разнобой, суета, единения нет –
Алтай помрачнеет, затянется тучами пик,
И солнце погаснет, и спрячет за дымкой свой лик.

Средь трудной дороги и друг тебя может предать.
Один стригунок, что отстал, не найдёт уже мать.
Цвет времени станет таким же, как серая мгла, –
Вершины Алтая туманом она обняла.

Встревожены люди, как жилы натянутых струн.
Ты можешь, как все, потерять свой бредущий табун.
Ты словно останки берёзы, с опавшей листвою,
Что к берегу век твой прибил набежавшей волной.

* * *

...И снится опять эта Птица с небесным пером
И с клювом алмазным, запевшая в сердце моём.
И сквозь облака прорываясь, летит на Алтай
Скакун Белогривый – за край сновиденья, за край.
Он ржёт и ликует!
И тем, кто о счастье забыл,
И радость, и смех, и любви нестареющий пыл,
Сулит благодать этим людям,
Прошедшим сквозь смерть.

Был век переменчив, тянул их в свою круговерть,
Но Белый Скакун в облаках незакатных летит,
И лоб его белый от влаги жемчужной блестит.
Он близко уже, и он голос с небес подаёт...

...Два раза уже, говорят, его видел народ.
О днях справедливых сложил он легенду свою,
О Белом Коне, промелькнувшем в былинном краю.
Упавшей звездой он растаял...
Пусть жизнь нелегка,
И крут перевал, и моя задохнулась строка,
Но разве предания – ложь? Ведь легендам – века:
Одна – из времён, где прославился Ер Жанибек,
Вторая – оттуда, где бился батыром Оспан...
Скакун Белогривый летел, озаряя наш век.
Он подал нам знак, показался, раздвинув туман.
Кем были тогда мы?
Холмом?

Перевалом?

Хребтом?

Легенды времён заставляют нас плакать опять –
От утренних сумерек, тихо вползающих в дом,
До сумрака ночи, и памяти лет не унять...

* * *

Преданья столетий – для счастья в пути поводырь.
И, может быть, Тенгри отдаст свой верховный приказ,
Чтоб Птица опять озарила небесную ширь,
Чтоб Конь Белогривый подал ещё голос хоть раз?

Остался мой брат.

И сестрёнка осталась.

И друг.

Я шаг свой замедлил, я памятью к ним полетел.

Отстал от кочёвки. Одна лишь пустыня вокруг.

Пропал караван мой, и след его пылью осел.

Прощай, Белый Конь, и ты, Птица Алтая, прощай!

Пусть Бог бережёт вас!

Я памятью полон по край,

И древняя песня прильнула к горячим губам,

И молодо Слово – оно не подвластно векам.

«Как пояс сработан, мягка его кожа, как воск,

На талии тонкой – под ливнем сияющих кос.

Вернётся ль народ наш, придёт ли к родным очагам...»

5. XX ВЕК. ПРОЩАЛЬНЫЙ КЮЙ КЫЛАН-БАТЫРА ИЗ РОДА ШЕРУШИ

...Когда Кылан-батыра поймали белогвардейцы и приказали казнить, то он попросил о последнем желании – на домбре исполнить кюй. Те, кто его слышал, назвали так: «Кюй Кылан-батыра перед тем, как он лишился головы». Так и распространилось это произведение среди народа.

«...В тот год на Алтае от злости краснели и жгли

Кусты волчьих ягод – их тьма уродилась тогда.

И плакала горная таволга – слёзы текли,

Текли в три ручья, как по скалам звенящим вода.

И плакала в юрте, всю ночь не смолкая, домбра.

Ручьи пересохли. Улары кричали в горах.

И выли собаки – рыдали они не с добра.

И каркали вороны в тёмных, зловещих лесах...»

Когда час последний придёт, и в глаза глянет смерть,
Кто – станет легендой, кто – в сказке потом оживёт.
Батыру Кылану диктует мелодию твердь,
Он в кюе прощальном всю горечь свою изольёт.

Раз мир иллюзорен, то нет для расправы препон.
Кусочек свинца, он ничтожен, но может решить
Судьбу человека, а всё же бессилён и он
Дух гордый батыра свинцовою пулей убить!

Отважный батыр не склонялся вовек пред врагом.
Пусть эта домбра из сухой, голосистой сосны –
Четырнадцать в ней сочленений, две звонких струны –
Пусть песней взорвётся – по небу прокатится гром!

...Когда в наступленье пошла вереница врага,
Я вышел один – только синяя пика со мной.
И взяли в кольцо!
Мои горы, и степь, и луга,
Я с вами прощаюсь – уж мне не вернуться домой!
Ох, время лихое, кровавое время моё...
Шесть крыльев у юрты – не будет она пустовать,
Когда я умру. Не прервётся земли бытиё.
Храните очаг, и врагу не отдайте опять.
Потомки не будут рабами!
Доверься, народ,
Героям-батырам, их гордое время придёт!

Покинешь ты мир за мгновение, так же, как я.
Сестрёнке не дай горевать – это просьба моя...
Жестокое время, суровых ветров времена,
И катят ветра, как летучую траву канбак¹¹,
Несчастливые судьбы, а жизнь, как и прежде, одна,
И с кем только счёты она не сводила, как враг?

Что плакать об этом, и что мне теперь горевать?
Назад не гляжу...
И как эхо, как сполох огня,
Мой голос вернётся, он к вам возвратится опять!
Лет в девять, мальцом, оседлал я трёхлетку-коня
И принят был в круг, где все сходятся слушать меня.

Домбра из сосны, пусть тебя не коснётся мой рок!
Пленён я врагом, и сильна надо мной его власть.
Я песнь не допел, не успел надышаться я властью,
И вот ухожу... Это жизни последний глоток...»

¹¹ Канбак – перекасти-поле.

Так сокол мой пел. И с батыром Кыланом струна
Рыдала и пела, и птицею билась она:

«...В тот год на Алтае от злости краснели и жгли
Кусты волчьих ягод – их тьма уродилась тогда.
И плакала горная таволга – слёзы текли,
Текли в три ручья, как по скалам звенящим вода.
И плакала в юрте, всю ночь не смолкая, домбра.
Ручьи пересохли.
Кричали улары в горах.
И выли собаки – рыдали они не с добра.
И вороны каркали в тёмных, зловещих лесах...»

Закончился кюй..
Закачалась степная трава.
Ох, грех-то какой, какой грех!
Под откос, под откос,
По склонам ущелья катилась его голова,
И плакали горы ручьями горячими слёз...

6. ХОЛМ СУЛУБАЯ¹²

Китайский Циньзян среди Алтайских гор –
это то место, где Сулубай-батыр принял смерть от пули,
и место это с тех пор зовётся «Холм Сулубая».

...Проклятый и чёрный, тот чёрный, тот траурный день...
Вскрываются раны доньше, и снова болят.
По следу идёт его чёрная, чёрная тень,
Пронзает насквозь его чёрный и огненный взгляд.

Есть холм Сулубая, родной мой, у речки Булгын,
У склонов цветущих и пёстрых Алатобе.
В горах он рождён – сын горы и земли этой сын,
А каждый поэт, человечество, брат он тебе!

Здесь пуля настигла его.
Был апрель и весна.
Год сорок четвёртый. Двадцатый безжалостный век.
Эй, траурный день, чёрный день!
Моего скакуна
Ты сколько треножил, прервав его яростный бег?

На Остром холме дух Оспана-батыра живёт,
И дух Буркитбая, Мусы,
Вольный дух Айтеке.

¹² Холм Сулубая – досл. Острый холм.

Батыры!
Поэты!
Как белые птицы в полёт,
Взметнулись их души и в каждой запели строке!

...Он смерть свою принял, как лучший скакун, – на лету.
Всего тридцать семь ему было – был возраст мушель¹³.
И холм Сулубая, что виден в степи за версту,
Как памятник встал. Не кончается скорбный апрель...

Здесь мимо пройти, не печалясь, не может никто.
Здесь ветер холодный до самых костей проберёт.
И шумом полны мои уши – на небе пустом
Свистит и свистит эта пуля. Неужто убьёт?
Неужто погиб он, бессмертный поэт Сулубай?
...Мой конь о камня копыта разбил свои вновь,
Мой раненый сокол опять облетает свой край –
Из крыльев сокольных сочится и капает кровь...

Есть песня одна у холмистой, степной стороны.
Она перескажет преданья своей старины.
Когда возвращались с холма Сулубая, она
Нам кинулась вслед, догнала, вдохновеньем полна:

*«...Отец Сулубаем назвал. Моё имя – мой щит.
Мой род Жантекей – уважаем в степи, знаменит.»*

*«...Как воды Шингиля – чистейшего неба струя,
Так песнь Сулубая – чиста эта песня моя!..»*

*«...Мой конь Алкыныр, что же ты не припустишь рысцой?
Не дал ты мне, Бог, что просил у тебя я порой.
О, как я старался, мечтал я взлететь, но не смог:
Мне привязь мешала, короткий держал поводок...»*

*«...Мой конь вороной – Карагер, горделив твой полёт.
К родным очагам возвратится ль мой бедный народ...»*

7. XXI ВЕК. ПЛАЧ ПО ЖАЙЫРУ ЖАРМУХАМЕДА-ЖЫРАУ ИЗ РОДА УАК

...Вдали где-то – мать, тут – дитя. Разоренный мой кров.
Я полон вопросов, живя на границе веков.
Мой век двадцать первый – и рядом двадцатый мой век.
Оттуда глядит благородных кровей человек.

¹³ Мушель – опасный возраст, который наступает с периодичностью в 12 лет.

Последний жырау казахов, мой Жармухамед,
 Как брат твой, решил за тобою идти я вослед!
 Он чувствует будто – готов своё сердце открыть,
 Стихов сокровенных отдать путеводную нить.

От стен Алматы, круг за кругом, по аду водил.
 В нём совесть горела, а рок его злой не щадил.
 В душе его пела гармонией стройной строка,
 А жизнь так сумбурна была, так была нелегка.

Тоска ли,
 Печаль
 Ему снова открыли глаза,
 Но он вострепнулся, как я о Жайыре сказал.
 Поведал он мне и берёзе плакучей о нём –
 И дымкой растаял, рассеялся он миром...

*«...Родная земля, ты – в Жайыре. Жайыр ведь далёк?
 Томит беспокойство – завёлся в груди уголёк.
 Я вновь беспокоюсь, томлюсь, беспокойство порой
 В сей призрачной жизни с трудом переносится мной.
 Когда беспокоюсь – приходит в расстройство душа.
 Ещё не ноябрь, но ворвалась метель, всё круша.
 Стал век нестерпимым...
 Найдётся ль ещё где-нибудь,
 Такой же, как я, горемыка? Раздроблен мой путь...»*

От Жармухамеда-жырау услышал я сказ
 О славном Жайыре – он в сердце его не погас.
 В тоске по Жайыру сказитель извёлся вконец,
 Как высохший тополь он стал, как бродячий слепец.

Он был не простой человек – в нём любая беда
 Горела сильнее, чем беды Жайыра, всегда.
 И только душа не сгорала – жила в унисон
 С огнём вдохновенья, и пел о страданиях он.

Про тленную плоть забывает больной, если в нём
 Душа сохранилась, поёт в его сердце больном.
 Слёз девять ручьёв не просохнут за девять часов.
 Сказитель-певец не жалеет родившихся слов –
 И вновь оживает богатый и щедрый Жайыр,
 И манит к себе бело-красный пылающий мир!

Тоскующий голос рыдает звенящей струной,
 Кобызом поёт,
 Завывает свирелью степной.

Жайыр возвышался горою. Его средь степей
Проточные воды баюкали песней своей.
Бродили куланы в траве – медоносной, большой.
Там жили уланы – с открытой и доброй душой.

Кочует песок – за барханом уходит бархан.
Кочует печаль – миражи, миражи и туман...
По камню, что пик воздвигает, соскучился я,
По небу, что мир подпирает, соскучился я.

Держу я в ладонях, что близко и что далеко.
Жайыр мой – прохлада и белых ручьёв молоко.
Блестит там родник, как живой человеческий зрачок,
Там речка поёт, веселится там горный поток.

Томленья сундук опустел – ничего там уж нет.
В долинах Жайыра таится души моей свет.
На чёрной дороге виднеются вехи беды.
Разбита судьба пополам,
как два русла воды.

*«...О, если, тоскуя, приеду туда хоть разок,
И тысячу раз я ступлю на родимый порог,
Избавлюсь ли я от тоски, от печали моей?
Отыщется ль путь к изобилью и счастью людей?
Меж нами граница – но я сквозь границу пробьюсь.
Жайыр для меня – это свет, и к нему я стремлюсь!..»*

Эх, жизнь–бытие...
Пролетела стрелою она,
В стихи превратилась и в песню, что спела струна.
Пусть ветер тоскует,
Пусть старый сказитель скорбит,
Срывается голос, и сердце от горя болит,
Но песня жырау врачует нам души строкой –
В ней жар вдохновенья,
В ней вечного неба покой.

Священное Слово казахов – народа стихи,
Крылатые песни о счастье и бедах лихих,
К далёким вершинам летят они, к дальним холмам,
И Жармухамед не забылся – приходит он к нам.
Жайыра единственный светоч, высокий пример
Поэзии вечной – летящий скакун Карагер!

*«Мой конь вороной – Карагер, горделив твой полёт.
К родным очагам возвратится ль мой бедный народ...»*

8. ГОРДЕЛИВО СКАЧУЩИЙ КАРАГЕР

...Как много легенд. Сколько слов уже сказано мной...
 Единые души, плывущие в лодке одной,
 Коль песнь Сулубая мы вместе с тобой запоём,
 Кто нас остановит? –
 Сближает нас память о нём!

Запомни,
 Батыр и мужчина – геройством живёт.
 О бедах народных, о жизни он песню поёт.
 Казахи мои, устремились вы с места в карьер,
 Как гордо летящий скакун, как степной Карагер!

Как много не сказано, мыслей так много во мне...
 Родник сокровенный – он копится вечно на дне,
 Он там отстоится, и, чистый, он выйдет на свет.
 Народную душу хранит в своём Слове поэт!

А если же песнею птица печали взлетит,
 Как клятва сери¹⁴, поднимайтесь, уланы! Вперёд!
 И нации дух ваше рыцарство пусть сохранит!
 Великая Степь – она доблестью вашей живёт.

Мой бедный Едиль,
 Мой любимый, мой бедный Иртыш...
 Открытую раной зияет, чернеет вода.
 Народ мой казахский – подрубленный веком камыш,
 Ты был разделён, но един для меня навсегда,
 Как ока зеница – и чёрный зрачок, и белок.
 Мне больно, родной мой, что век тебя плетью обжёт...

Но чистым остался души твоей тайный родник,
 В далёкой дали к нему век, уже новый, притник.
 Семь рек его приняли – доли и степь Жетысу,
 И как ожерелье, они твою песню несут.
 Стал соколу домом
 И беркуту в сердце проник
 В снегах вековечных далёкий, сияющий пик.

Гнездо золотое Алтая, исток родника –
 Великая Степь, золотая Сарыарка.

Коль вы без страданий отправитесь в путь налегке,
 И в полдень дойдёте, достигнете цель вдалеке,

¹⁴ Сери – музыкант-импровизатор, степной рыцарь.

Горой Улытау я стану, стихами взлечу,
Пером прикоснусь к золотому, святому лучу!
Тогда от печали, от горя, от чёрных невзгод
Избавится он, мой священный казахский народ,
Он встанет, как свет, предо мной, и к нему в этот миг
Я брошусь, целуя и радуясь, как Ак-Жаик!

На утренней зорьке зальюсь, запою соловьём,
И слёзы заблещут в глазах и на лице моём.
С горы Каратау есть камень-кремень у меня,
Я мощь твою буду оттачивать день ото дня!

Народ мой, до неба ты крылья свои распротёр,
И стяг подняла моя Степь – мой белейший шатёр!

*«Мой конь вороной – Карагер, горделив твой полёт.
К родным очагам возвратится ль мой бедный народ...»*

В горах, и в песках, и в лесах – наяву и во сне
Та песнь Сулубая звучит, не смолкая, во мне.
Где б ты ни скитался – не слушай навет и обман.
Пока жив народ – будет вечен и мой Казахстан!

Перевод с казахского Надежды Черновой

